

О жизни и о себе

ИНТЕРВЬЮ С РОМАНОМ СЕМЕНОВИЧЕМ СЕФОМ

Роман Семенович Сеф – известный детский писатель, работает в литературе более полувека. Член Союза писателей России. Автор 30-ти поэтических книг, изданных тиражом более десяти миллионов экземпляров. Это книги «Храбрый цветок», «Речной трамвай», «Голубой метеорит», «Если не веришь», «Я сам», «Избранное» и многие другие.

Р.С. Сеф автор пьес для детей и взрослых. Несколько лет шла на сцене Центрального Детского Театра в г. Москве пьеса «Емелино счастье», в Горьковском ТЮЗе была поставлена пьеса «Две бабы Яги», в Тамбовском ТЮЗе огромной популярностью пользовался спектакль по пьесе Романа Сефа «Царица и дурак».

Роман Сеф – член Союза театральных деятелей, член Правления Дома актера.

По его сценарию снят четырехсерийный фильм (объединение «Экран») «Барон Мюнхаузен», ему же принадлежит перевод либретто мюзикла «Моя прекрасная леди» (Театр оперетты).

Внимание читателя привлекла серьезная работа поэта — книга стихов «Турусы на колесах», вышедшая в издательстве «Олимп» в 1999 году.

Литературной общественности хорошо известны переводы с английского, сделанные Р. Сефом, которые выходили в издательстве «Прогресс», в Гослитиздате, в издательстве «Детская литература». Это переводы американского поэта Дж. Чиарди, американских поэтов-модернистов, австралийских поэтов.

За книгу «Ключ от сказки» Роман Сеф в 1991 году удостоен Государственной премии РСФСР. Писатель ведет большую общественную работу, преподает в Литературном институте, где заведует сектором детской и юношеской литературы. В течение шести лет является представителем России в Международном

совете по детской книге, членом жюри многочисленных детских конкурсов и конкурсов писателей, пишущих для детей и юношества.

В 2004 году вышел в свет двухтомник Романа Сефа «Избранное» (издательство «Вагриус»). Первый том – стихи для детей, – лучшее, что написано Романом Сефом для маленьких читателей. Второй – стихи для взрослых.

Роман Сеф – член Правления Московской городской организации Союза писателей России, 15 лет является председателем творческого объединения детских и юношеских писателей, член Правления Клуба писателей ЦДЛ, длительное время возглавлял детскую секцию Союза театральных деятелей, с 1990 года бессменный Президент Ассоциации детских писателей, член Российского авторского общества, член Комитета по Государственным премиям при Президенте РФ. За многолетнюю общественную деятельность и вклад в развитие отечественной культуры в 2004 году он был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель искусств Российской Федерации», а также неоднократно награждался грамотами и дипломами различных ведомств, общественных и творческих организаций, в том числе Почетной Грамотой ЦК ВЛКСМ и знаком «За отличную работу» Министерства культуры СССР.

Назовите Ваши лично значимые жизненные ценности?

Значимые жизненные ценности – взирать на мир глазами ребенка, уметь дружить, не предавать.

Какие, на Ваш взгляд, значимые жизненные ценности в настоящее время преобладают у людей в современном российском обществе?

Если говорить о главных ценностях нашего времени – это деньги, карьерный успех любыми средствами. Есть, правда, и другие люди, но, как говорил Герцен: «Нас мало, и страшно далеки мы от народа».

Как отражаются Ваши лично значимые жизненные ценности в Вашем творчестве?

Детская поэзия или поэзия для детей апеллирует вечными ценностями при любом режиме. Даже в советское время литература для младшего возраста не подвергалась цензуре. Вечные ценности – это десять заповедей, основа христианства.

Как влияет Ваше творчество на Ваши лично значимые жизненные ценности?

Образы творчества придают смысл обыденной жизни. Они помогают бороться с пошлостью, с обыватель-

щиной. Пошлость – это то, что нас окружает. Пошлости сейчас столько же, сколько и в советское время, только она другая. Кто-то из великих сказал: «Что больше Бога – пошлость». Пошлость – это прежде всего стремление к материальным ценностям, не имея на то внутренних прав. Самодовольство, неумение мыслить дальше завтрашнего и послезавтрашнего дня. Неумение видеть относительность текущего времени.

Как Вы можете охарактеризовать современное российское литературное творчество?

Отличительная черта современной литературы – это ее вторичность. Это значит, что современная литература уже была (стиль, способ видения, содержание). Когда-то Белинский (тогда он был еще гегельянцем) сказал: «Искусство – это *непосредственное* созерцание истины».

Никто не знает, что есть истина, но, тем не менее, непосредственное созерцание, некая детскость взора, даже идиотизма необходимы творческому человеку. В-первых, в значительной мере исчерпаны литературные источники, существует *недостаток личного отношения к жизни*. Во-вторых, недостает отваги. «Корень красоты – отвага», – сказал Б. Пастернак. Литературность – это когда человек берет все в совокупности из ранее существовавшей литературы, в том или ином опосредствованном виде.

Какую часть своей личности Вы отдаете в свое произведение?

Трудно сказать... Творчество как процесс очень похоже на соитие. Потом наступает катарсис. И ты опустошен. Это по З. Фрейду.

А. Ахматова писала:

«Когда я ночью жду ее прихода, жизнь кажется висит на волоске. Что почести, что слава, что свобода пред милой гостьей с дудочкой в руке. Она вошла, откинув покрывало. Внимательно взглянула на меня. Я говорю: «Ты Данте диктовала страницы рода?» Отвечает: «Я».

К вопросу о руке Божьей. Писатели все-таки идут от синтагмы, от совокупной мысли. А мы, поэты, – от слова.

Иногда одно слово вызывает множество ассоциаций. Оно, – слово, – определяет мысль стихотворения будущего. Не столько сама многозначность слова влияет на стихотворение, сколько его поэтичность, иногда его парадоксальность. У Маршака: «По проволоке дома идет как телеграмма». Это невозможно придумать, но это поразительно как метафора... Или другая строка: «В нем поедет вот что: почтальон и почта». Ерун-

да, казалось бы... «На далекой Амазонке не бывал я никогда. Только «Дон» и «Магдалина» ходят по морю туда». Замечательное лирическое стихотворение. Грустное...

Насколько Вы закрыты от своего читателя?

Я открыт читателю. Меня сдерживает только денежная цензура. Прежде были огромные тиражи. Сейчас издают малым тиражом. Сталин в самое тяжелое время не уменьшал тиражи детских книг. Огромными тиражами выходят такие авторы, как Робски. Она пишет гламурные книжки. Часто пишут то, чего не знают.

Я должен сказать, что моя беда в том, что я не интеллигентный поэт. И я *далеко не всем мамам подхожу*.

Насколько Ваш герой человек публичный, насколько он человек внутренний?

Мой поэтический герой только внутренний... В детстве я был отчаянным фантазером. Я как-то увидел у бабушки золотой царский десятирублевик, который она хранила... Дофантазировался я до того, что рассказал мальчишкам в детском саду, что у бабушки полный шкаф золота. К нам пришли с обыском.

У взрослого Романа Сефа герой тоже внутренний.

«Река течет. А за рекой столь мудрый и простой покой, что не понять и не сказать, но только сердцем осязать» (1956).^{*} С детства моим любимым произведением, которое я прочел впервые в пять лет, было «Приключения пикверского клуба». Благодаря этой книге у меня на всю жизнь остался иронический взгляд на самого себя.

Насколько Вы отчуждаете своего героя от самого себя?

Я не отчуждаю своего героя от себя.

Насколько Вы идентифицируете своего героя с самим собой?

Полностью.

Насколько Ваши герои уподоблены Вашим сущностным особенностям, Вашей личности? Можно ли говорить о единстве автобиографической и эстетически-художественной ипостасей?

Я никому не рассказывал, как я начал писать детские стихи. В 1956 году я попал к Корнею Ивановичу Чуковскому (меня отвела к нему Елена Михайловна Тайгер). Он стал моим учителем. У меня и переписка с ним есть. Он мне сказал: «А вы пробовали писать детские стихи?» Я сказал: «Нет, не пробовал». Он сказал:

^{*} Сеф Р. Турусы на колесах. М., 1999.

«Пишите детские стихи. Больше не посадят». Я сидел пять лет, а мама – семнадцать. Приписывали террористические намерения в адрес Лаврентия Павловича Берии. Год я просидел в одиночке...

Я думаю, что все мое творчество – и взрослое, и детское является прямым продолжением моего детства. В одной из книг, которая получила «диплом Андерсена», я написал:

«Это было много-много лет назад, больше, чем двадцать, больше, чем тридцать, больше, чем пятьдесят, но меньше, чем сто.

Это было в 1931 году, вот тогда я и появился на свет на Пироговской улице Хамовнического района города Москвы.

Сразу же начал сочинять стихи, правда, читать и писать я тогда еще не умел, но что-то во мне уже буквально гудело, звенело, напевало. А когда мне исполнилось целых четыре года, во мне появилось главное для поэта свойство – я научился грустить. Когда я слышал романс Гурилева «Однозвучно гремит колокольчик», я плакал горько и безнадежно, и мне казалось, что это я, одинокий-одинокий, погоняю лошадей в заснеженном поле. И как-то так случилось, что стали сами собой ко мне приходить рифмы, они не давали мне покоя, и однажды, во дворе высокого арбатского дома, катаясь на самокате, я заорал что есть мочи: «Береза ждет мороза! Береза ждет мороза!». Чуть погодя я ворвался домой и крикнул бабушке: «Береза ждет мороза» – «А зачем береза ждет мороза?» – спокойно спросила меня бабушка, Мария Максимилиановна. На этот вопрос я ответить не смог.

Вот так я написал первое в своей жизни очень глупое стихотворение и получил первое редакторское замечание.

А еще мне всегда очень хотелось летать. Но не на самолете, не на планере, не на парашюте, а просто так: замахать руками и взлететь. Плыть высоко над землей, видеть сверху города, озера и пашни и улыбаться... Ведь это такое счастье – махать руками, плыть в небе и улыбаться.

Я убегал в поле тайком от всех, взбирался на холм и, глядя на краешек солнца, уходящего за горизонт, взмахивал руками. Потом еще и еще раз. Но ни разу мне не удалось взмыть в небо.

Но вот однажды, когда я писал стихотворение и чувствовал, что оно мне удается, что оно ладное, складное, умное и звонкое, я неожиданно взлетел. Я ле-

*тел высоко над землей, и меня несло в поднебесье мое
собственное стихотворение.*

С тех пор я иногда летаю.

*Что бы я ни делал, рифмы не дают мне покоя: они
лезут, звенят, гудят, будоражат меня.*

*Но главное не в этом. Главное – это то, что я, как
в раннем детстве, холодею от восторга, когда вижу,
как поднимается предутренний туман над маленькой
речкой, и еле сдерживаю слезы, когда слышу: «Одно-
звучно гремит колокольчик...»*.*

* Сеф Р. Храбрый цветок: Стихотворения. М., 1991. С. 2–3.

